

Федор Михайлович Достоевский

Чужая жена и муж под кроватью

Федор Достоевский

Чужая жена и муж под кроватью

«Public Domain»

1848

Достоевский Ф. М.

Чужая жена и муж под кроватью / Ф. М. Достоевский — «Public Domain», 1848

«— Сделайте одолжение, милостивый государь, позвольте вас спросить... Прохожий вздрогнул и несколько в испуге взглянул на господина в енотах, приступившего к нему так без обиняков, в восьмом часу вечера, среди улицы. А уж известно, что если один петербургский господин вдруг заговорит на улице о чем-нибудь с другим, совершенно незнакомым ему господином, то другой господин непременно испугается...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Федор Михайлович Достоевский

Чужая жена и муж под кроватью

Происшествие необыкновенное

I

– Сделайте одолжение, милостивый государь, позвольте вас спросить...

Прохожий вздрогнул и несколько в испуге взглянул на господина в енотах, приступившего к нему так без обиняков, в восьмом часу вечера, среди улицы. А уж известно, что если один петербургский господин вдруг заговорит на улице о чем-нибудь с другим, совершенно незнакомым ему господином, то другой господин непременно испугается.

Итак, прохожий вздрогнул и несколько испугался.

– Извините, что я вас потревожил, – говорил господин в енотах, – но я... я, право, не знаю... вы, вероятно, извините меня; вы видите, я в некотором расстройстве духа...

Тут только заметил молодой человек в бекеше, что господин в енотах был точно в расстройстве. Его сморщенное лицо было довольно бледненько, голос его дрожал, мысли, очевидно, сбивались, слова не лезли с языка, и видно было, что ему ужасного труда стоило согласить покорнейшую просьбу, может быть к своему низшему в отношении степени или сословия лицу, с нуждою непременно обратиться к кому-нибудь с просьбой. Да и, наконец, просьба эта во всяком случае была неприличная, несолидная, странная со стороны человека, имевшего такую солидную шубу, такой почтенный, превосходного темно-зеленого цвета фрак и такие многозначительные украшения, упещрявшие этот фрак. Видно было, что все это смущало самого господина в енотах, так что наконец, расстроенный духом, господин не выдержал, решил подавить свое волнение и прилично замять неприятную сцену, которую сам же вызвал.

– Извините меня, я не в себе; но вы, правда, меня не знаете... Извините, что обеспокоил вас; я раздумал.

Тут он приподнял из учтивости шляпу и побежал далее.

– Но позвольте, сделайте милость.

Маленький человек, однако, скрылся во мраке, оставив в ошолбенелом состоянии господина в бекеше.

«Что за чудак!» – подумал господин в бекеше. Потом, как следует подивившись и вышед наконец из ошолбенелого состояния, он вспомнил про свое и начал прохаживаться взад и вперед, пристально глядя на ворота одного бесконечно-этажного дома. Начиная падать туман, и молодой человек несколько обрадовался, ибо прогулка его при тумане была незаметнее, хотя, впрочем, только какой-нибудь безнадежно весь день простоявший извозчик мог заметить ее.

– Извините!

Прохожий опять вздрогнул: опять тот же господин в енотах стоял перед ним.

– Извините, что я опять... – заговорил он, – но вы, вы – верно, благородный человек! Не обращайтесь на меня внимания как на лицо, взятое в общественном смысле; я, впрочем, сбиваюсь; но вникните, по-человечески... перед вами, сударь, человек, нуждающийся в покорнейшей просьбе...

– Если могу... что вам угодно?

– Вы, может, подумали, что уж я у вас денег прошу! – сказал таинственный господин, кривя рот, истерически смеясь и бледнея.

– Помилуйте-с...

– Нет, я вижу, что я вам в тягость! Извините, я не могу переносить себя; считайте, что вы видите меня в расстроенном состоянии духа, почти в сумасшествии, и не заключите чего-нибудь...

– Но к делу, к делу! – отвечал молодой человек, ободрительно и нетерпеливо кивнув головой.

– А! Теперь вот как! Вы, такой молодой человек, мне напоминаете о деле, как будто я какой нерадивый мальчишка! Я решительно выжил из ума!.. Как я вам кажусь теперь в моем унижении, скажите откровенно?

Молодой человек сконфузился и смолчал.

– Позвольте вас спросить откровенно: не видали ль вы одной дамы? В этом вся просьба моя! – решительно проговорил, наконец, господин в енотовой шубе.

– Дамы?

– Да-с, одной дамы.

– Я видел... но их, признаюсь, так прошло много...

– Так точно-с, – отвечал таинственный человек с горькой улыбкой. – Я сбиваюсь, я не то хотел спросить, извините меня; я хотел сказать, не видали ль вы одной госпожи в лиственном салоне, в темном бархатном капоре с черной вуалью?

– Нет, такой не видал... нет, кажется, не заметил.

– А! В таком случае извините-с!

Молодой человек хотел что-то спросить, но господин в енотах опять исчез, опять оставив в ошарашенном состоянии своего терпеливого слушателя. «А, черт бы его взял!» – подумал молодой человек в бекеше, очевидно расстроенный.

Он с досадою закрылся бобром и опять стал прохаживаться, соблюдая предосторожности, мимо ворот бесконечно-этажного дома. Он злился.

«Что ж она не выходит? – думал он. – Скоро восемь часов!» На башне пробило восемь часов.

– Ах! Черт вас возьми, наконец!

– Извините-с!..

– Извините меня, что я вас так... Но вы так подкатились мне под ноги, что испугали совсем, – проговорил прохожий, морщась и извиняясь.

– Я опять к вам-с. Конечно, я вам должен казаться беспокойным и странным-с.

– Сделайте одолжение, без пустяков, объяснитесь скорее; я еще не знаю, в чем ваше желание?..

– Вы торопитесь? Видите ли-с. Я вам все расскажу откровенно, без лишних слов. Что ж делать! Обстоятельства связывают иногда людей совершенно разнородных характеров... Но, я вижу, вы нетерпеливы, молодой человек... Так вот-с... впрочем, я не знаю, как и говорить: я ищу даму-с (я уж решился все говорить) Я именно должен знать, куда пошла эта дама? Кто она – я думаю, вам не нужно знать ее имени, молодой человек.

– Ну-с, ну-с, дальше.

– Дальше! Но ваш тон со мной! Извините, может быть, я вас оскорбил, назвав вас молодым человеком, но я не имел ничего... одним словом, если вам угодно оказать мне величайшую услугу, так вот-с, одна дама-с, то есть я хочу сказать порядочная женщина, из превосходного семейства, моих знакомых... мне поручено... я, видите ли, сам не имею семейства...

– Ну-с.

– Вникните в мое положение, молодой человек (ах, опять! Извините-с; я все называю вас молодым человеком). Каждая минута дорога... Представьте себе, эта дама... но не можете ли вы мне сказать, кто живет в этом доме?

– Да... тут много живут.

– Да, то есть вы совершенно справедливы, – отвечал господин в енотах, слегка засмеявшись для спасения приличий, – чувствую, я немного сбиваюсь... но к чему такой тон ваших слов? Вы видите, что я чистосердечно сознаюсь в том, что сбиваюсь, и если вы надменный человек, то уж вы достаточно видели мое унижение... Я говорю, одна дама, благородного поведения, то есть легкого содержания, – извините, я так сбиваюсь, точно про литературу какую говорю; вот – выдумали, что Поль де Кок¹ легкого содержания, а вся беда от Поль де Кока-то-с... вот!..

Молодой человек с сожалением посмотрел на господина в енотах, который, казалось, окончательно сбил, замолчал, глядел на него, бессмысленно улыбаясь, и дрожащею рукою, без всякой видимой причины, хватал его за лацкан бекеши.

– Вы спрашиваете, кто здесь живет? – спросил молодой человек, несколько отступая назад.

– Да, многие живут, вы сказали.

– Здесь... я знаю, что здесь Софья Остафьевна тоже живет, – проговорил молодой человек шепотом и даже с каким-то соболезнаванием.

– Ну, вот видите, видите! Вы что-нибудь знаете, молодой человек?

– Уверяю вас, нет, ничего не знаю... Я судил по расстроенному вашему виду.

– Я тотчас узнал от кухарки, что она сюда ходит; но вы не на то напали, то есть не к Софье Остафьевне...она с ней незнакома...

– Нет? Ну, извините-с...

– Видно, что вам это все неинтересно, молодой человек, – проговорил странный господин с горькой иронией.

– Послушайте, – сказал молодой человек, заминаясь, – я в сущности не знаю причины вашего состояния, но вам, верно, изменили, вы скажите прямо?

Молодой человек одобрительно улыбнулся.

– Мы по крайней мере пойдем друг друга, – прибавил он, и все тело его великодушно обнаружило желание сделать легкий полупоклон.

– Вы убили меня! Но – откровенно признаюсь вам – именно так... но с кем не случается!.. До глубины тронут вашим участием. Согласитесь, между молодыми людьми... Я хоть не молод, но, знаете, привычка, холостая жизнь, между холостёжью, известно...

Ну, уж известно, известно! Но чем же я могу вам помочь?

– А вот-с; согласитесь, что посещать Софью Остафьевну... Впрочем, я еще не знаю наверное, куда пошла эта дама; я знаю только, что она в этом доме; но, видя вас прогуливающимся, – а я сам прогуливался по той стороне, – думаю... я вот, видите ли, жду эту даму... я знаю, что она тут, – мне бы хотелось встретить ее и объяснить, как неприлично и гнусно... одним словом, вы меня понимаете...

– Гм! Ну!

– Я и не для себя это делаю; вы не подумайте – это чужая жена! Муж там стоит, на Вознесенском мосту; он хочет поймать, но он не решается – он еще не верит, как и всякий муж... (тут господин в енотах хотел улыбнуться), я – друг его; согласитесь сами, я человек, пользующийся некоторым уважением, – я не могу быть тем, за кого вы меня принимаете.

– Конечно-с; ну-с, ну-с!..

– Так вот, я все ее ловлю; мне поручено-с (несчастный муж!); но я знаю, это хитрая молодая дама (вечно Поль де Кок под подушкой); я уверен, что она прошмыгнет как-нибудь незаметно... Мне, признаюсь, кухарка сказала, что она ходит сюда; я как сумасшедший бросился, только что известие получил; я хочу поймать; я давно подозревал и потому хотел просить вас, вы здесь ходите... вы – вы – я не знаю...

¹ Поль де Кок – французский писатель XIX в., чье имя стало символом фривольной литературы

– Ну, да, наконец, что ж вам угодно?

– Да-с... Не имею чести знать вас; не смею любопытствовать, кто и как... Во всяком случае, позвольте познакомиться; приятный случай!..

Дрожащий господин жарко потряс руку молодого человека.

– Это бы я должен был сделать в самом начале, – прибавил он, – но я забыл все приличие!

Говоря, господин в енотах не мог постоять на месте, с беспокойством оглядывался по сторонам, семенил ногами и поминутно, как погибающий, хватался рукою за молодого человека.

– Видите ли-с, – продолжал он, – я хотел обратиться к вам по-дружески... извините за вольность... хотел испросить у вас, чтоб вы ходили – по той стороне и со стороны переулка, где черный выход, эдак, *покоем*, описывая букву *П*, то есть. Я тоже, с своей стороны, буду ходить-с у главного подъезда, так что мы не пропустим; а я все боялся один пропустить; я не хочу пропустить. Вы, как увидите ее, то остановите и закричите мне... Но я сумасшедший! Только теперь вижу всю глупость и неприличие моего предложения!

– Нет, что ж! Помилуйте!..

– Не извиняйте меня; я в расстройстве духа, я теряюсь, как никогда не терялся! Точно меня под суд отдали! Я даже признаюсь вам – я буду благороден и откровенен с вами, – молодой человек: я даже вас принимал за любовника.

– То есть, попросту, вы хотите знать, что я здесь делаю?

– Благородный человек, милостивый государь, я далек от мысли, что вы *он*; я не замараю вас этою мыслию, но... но даете ли вы мне честное слово, что вы не любовник?..

– Ну, хорошо, извольте, честное слово, что любовник, но не вашей жены; иначе бы я не был на улице, а был бы теперь вместе с нею!

– Жены? Кто вам сказал жены, молодой человек? Я холостой, я, то есть, сам любовник...

– Вы говорили, есть муж... на Вознесенском мосту...

– Конечно, конечно, я заговариваюсь; но есть другие узы! И согласитесь, молодой человек, некоторая легкость характеров, то есть...

– Ну, ну! Хорошо, хорошо!

– То есть я вовсе не муж...

– Очень верю-с. Но откровенно говорю вам, что разуверая вас теперь, хочу сам себя успокоить и оттого собственно с вами и откровенен; вы меня расстроили и мешаете мне. Обещаю вам, что кликну вас. Но прошу вас покорнейше дать мне место и удалиться. Я сам тоже жду.

– Извольте, извольте-с, я удаляюсь, я уважаю страстное нетерпение вашего сердца. Я понимаю это, молодой человек. О, как я вас теперь понимаю!

– Хорошо, хорошо...

– До свидания!.. Впрочем, извините, молодой человек, я опять к вам... Я не знаю, как сказать... Дайте мне еще раз честное и благородное слово, что вы не любовник!

– Ах, господи, бог мой!

– Еще вопрос, последний: вы знаете фамилию мужа вашей... то есть той, которая составляет ваш предмет?

– Разумеется, знаю; не ваша фамилия, и конечно дело!

– А почему ж вы знаете мою фамилию?

– Да послушайте, ступайте; вы теряете время: она уйдет тысячу раз... Ну, что же вы? Ну, ваша в лисьем салопе и в капоре, а моя в клетчатом плаще и в голубой бархатной шляпке... Ну, что ж вам еще? Чего ж больше?

– В голубой бархатной шляпке! У ней есть и клетчатый плащ и голубая шляпка, – закричал неотвязчивый человек, мигом возвратившись с дороги.

– Ах, черт возьми! Ну, да ведь это может случиться... Да, впрочем, что ж я! Моя же туда не ходит!

- А где она – ваша?
- Вам это хочется знать; что ж вам?
- Признаюсь, я все про то...
- Фу, бог мой! Да вы без стыда без всякого! Ну, у моей здесь знакомые, в третьем этаже, на улицу. Ну, что ж вам, по именам людей называть, что ли?
- Бог мой! И у меня есть знакомые в третьем этаже, и окна на улицу. Генерал...
- Генерал?!
- Генерал. Я вам, пожалуй, скажу, какой генерал: ну, генерал Половицын.
- Вот тебе на! Нет, это не те! (Ах, черт возьми! Черт возьми!)
- Не те?
- Не те.
- Оба молчали и в недоумении смотрели друг на друга.
- Ну, что ж вы так смотрите на меня? – вскрикнул молодой человек, с досадою отряхая с себя столбняк и раздумье.
- Господин заметался.
- Я, я, признаюсь...
- Нет, уж позвольте, позвольте, теперь будемте говорить умнее. Общее дело. Объясните мне... Кто у вас там?..
- То есть знакомые?
- Да, знакомые...
- Вот видите, видите! Я по глазам вашим вижу, что я угадал!
- Черт возьми! Да нет же, нет, черт возьми! Слепы вы, что ли? Ведь я перед вами стою, ведь я не с ней нахожусь; ну! ну же! Да, впрочем, мне все равно; хоть говорите, хоть нет!
- Молодой человек в бешенстве повернулся два раза на каблуке и махнул рукой.
- Да я ничего, помилуйте, как благородный человек, я вам все расскажу: сначала жена сюда ходила одна; она им родня; я и не подозревал; вчера встречаю его превосходительство: говорит, что уж три недели как переехал отсюда на другую квартиру, а же... то есть не жена, а чужая жена (на Вознесенском мосту), эта дама говорила, что еще третьего дня была у них, то есть на этой квартире... А кухарка-то мне рассказала, что квартиру его превосходительства снял молодой человек Бобыницын...
- Ах, черт возьми, черт возьми!..
- Милостивый государь, я в страхе, я в ужасе!
- Э, черт возьми! Да мне-то какое дело до того, что вы в страхе и в ужасе? Ах! Вон-вон мелькнуло, вон...
- Где? Где? Вы только крикните: Иван Андреич, а я побегу...
- Хорошо, хорошо. Ах, черт возьми, черт возьми! Иван Андреич!!
- Здесь, – закричал воротившийся Иван Андреич, совсем задыхаясь. – Ну, что? что? где?
- Нет, я только так... я хотел знать, как зовут эту даму?
- Глаф...
- Глафира?
- Нет, не совсем Глафира... извините, я вам не могу сказать ее имя. – Говоря это, почтенный человек был бледен, как платок.
- Да, конечно, не Глафира, я сам знаю, что не Глафира, и та не Глафира; а впрочем, с кем же она?
- Где?
- Там! Ах, черт возьми, черт возьми! (Молодой человек не мог устоять на месте от бешенства.)
- А, видите! Почему же вы знали, что ее зовут Глафирой?

– Ну, черт возьми, наконец! Еще с вами возня! Да ведь вы говорите – вашу не Глафирой зовут!..

– Милостивый государь, какой тон!

– А, черт, не до тону! Что она, жена, что ли, ваша?

– Нет, то есть я не женат... Но не стал бы я сулить почтенному человеку в несчастье, человеку, – не скажу достойному всякого уважения, но по крайней мере воспитанному человеку, черта на каждом шагу. Вы все говорите: черт возьми! черт возьми!

– Ну да, черт возьми! Вот же вам, понимаете?

– Вы ослеплены гневом, и я молчу. Боже мой, кто это?

– Где?

Раздался шум и хохот; две смазливые девушки вышли с крыльца; оба бросились к ним.

– Ах какие! Что вы?

– Куда вы суетесь?

– Не те!

– Что, не на тех напали! Извозчик!

– Куда вас, мамзель?

– К Покрову; садись, Аннушка, я довезу.

– Ну, а я с той стороны; пошел! Смотри же, шибче вези...

Извозчик уехал.

– Это откуда?

– Боже мой, боже! Но не пойти ли туда?

– Куда?

– Да к Бобыницыну.

– Нет-с, нельзя...

– Отчего?

– Я бы, конечно, пошел; но тогда она скажет другое; она... обернется: а ее знаю! Она скажет, что нарочно пришла, чтоб меня поймать с кем-нибудь, да беду на меня же и свалит!

– И знать, что, может быть, там она! Да вы – я не знаю, почему же – ну, да вы подите к генералу-то...

– Да ведь он переехал!

– Все равно, понимаете? Она же ведь пошла; ну, и вы тоже – поняли? Сделайте так, что как будто не знаете, что генерал переехал, приходите как будто к нему за женой, ну и так далее.

– А потом?

– Ну, а потом накрывайте кого следует у Бобыницына; фу, ты, черт, какой бестолк...

– Ну, а вам-то что до того, что я накрываю? Видите, видите!..

– Что, что, батенька? Что? Опять за то же, что прежде? Ах, ты, господи, господи! Срамитесь вы, смешной человек, бестолковый вы человек!

– Ну, да зачем же вы так интересуетесь? Вы хотите узнать...

– Что узнать? Что? Ну, да, черт возьми, не до вас теперь! Я и один пойду; ступайте, подите прочь; стерегите, бегайте там, ну!

– Милостивый государь, вы почти забываетесь! – закричал господин в енотах в отчаянии.

– Ну, что ж? Ну, что ж, что я забываюсь? – проговорил молодой человек, стиснув зубы и в бешенстве приступая к господину в енотах, – Ну, что ж? Перед кем забываюсь?! – загремел он, сжимая кулаки.

– Но, милостивый государь, позвольте...

– Ну, кто вы, перед кем забываюсь; как ваша фамилия?

– Я не знаю, как это, молодой человек; зачем же фамилию?.. Я не могу объявить... Я лучше с вами пойду. Пойдемте, я не отстану, я на все готов... Но, поверьте, я заслуживаю более вежливых выражений! Не нужно нигде терять присутствия духа, и если вы чем расстроены, –

я догадываюсь чем, – то по крайней мере забываться не нужно... Вы еще очень, очень молодой человек!..

– Да что мне, что вы старый? Эка невидаль! Ступайте прочь; чего вы тут бегаете?..

– Почему ж я старый? Какой же я старый? Конечно, по званию, но я не бегаю...

– Это и видно. Да убирайтесь же прочь...

– Нет, уж я с вами; вы мне не можете запретить; я тоже замешан; я с вами...

– Ну, так тише же, тише, молчать!..

Оба они взошли на крыльцо и поднялись на лестницу в третий этаж; было темнехонько.

– Стойте! Есть у вас спички?

– Спички? Какие спички?

– Вы курите сигары?

– А, да! Есть, есть; здесь они, здесь; вот, постойте... – Господин в енотах засуетился.

– Фу, какой бестолков... черт! Кажется, эта дверь...

– Эта-эта-эта-эта-эта...

– Эта-эта-эта... что вы орете? Тише!..

– Милостивый государь, я скрепя сердце... вы дерзкий человек, вот что!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.